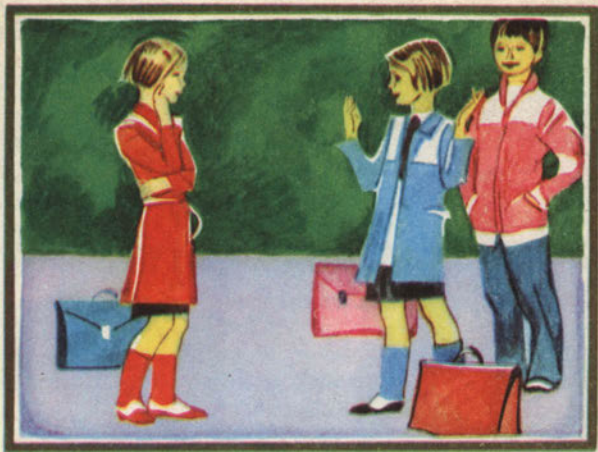

Сергей Иванов

ЗНАМЕНИТЫЙ ЧЕЛОВЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“ МОСКВА 1380

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
Сергей Амадейевич Иванов
ЗНАМЕНИТЫЙ ЧЕЛОВЕК
Художник В. Юдин

Редактор Г. Гадашва. Художественный редактор Н. Молчанова.
Технический редактор О. Кастерова. Корректор Н. Шадрова.

ИЗ № 2423

Подписано в печать 15 октября 1988 г. 12.05.87. 84х108/16. Бумага
оф. № 1. Тираж 100 000 экз. Уд. печ. л. 2,5. Уд. экз. тит.
11,88. Уд. экз. л. 2,50. Тираж 100 000 экз. Изд. № 1079. Заказ № 1797.
Цена 25 коп. Издательство «Малыш», 121942, Москва, Давыдовская ул., 5.
Калнинский филиал Издательства Красного Знамени полиграфический детский
литражный цех, 58 летия СССР, Рот-Лит-Литраформа, С.-Петербург, ГСФСР,
170040, Калинин, проспект 50 летия Октября, 46.

И 4803010201-091 49-88
M102(03)-88

С Издательство «Малыш» 1988

A decorative border made of red curtains with white and blue striped ties, framing the entire cover.

Сергей Иванов

**ЗНАМЕНИТЫЙ
ЧЕЛОВЕК**

Рассказы

Рисунки В. Юдина

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“ МОСКВА 1988

Знаменитый человек. Кто это? Актёр кино? Певец? Поэт? Космонавт? Конечно, если обладатели этих профессий делают своё дело, выражаясь по-школьному, на пять. Но если так же относятся к своему делу токарь, оператор машинного доения, ткачиха, то они тоже знамениты. Как знамениты все люди, работающие, что называется, с душой. Или, как ещё говорят, с огоньком. Вот о таких простых знаменитостях и пойдёт речь в нашей книге.

ЛЮБА МАРЬИНА

Последнее время мать стала сильно беспокоиться за Любу. «Устаёт», — думала она и с укоризной качала головой. Укоряла мать себя: зачем согласилась, чтобы дочь выбрала такую мужскую профессию — токарь!

— Два года не уставала, а теперь вдруг взялась уставать, — ворчал Кирюха, младший Любин брат.

Кирюхе как раз было очень приятно, что у него хоть и сестра, а имеет такую профессию, с какой не всякий старший брат справится.

— Правильно, два года не уставала, — сердито кивала мать, — а теперь устаёт! Пойди вон к ней, загляни... Всё лежит неподвижно, а брови нахмурены.

Тихо, чтобы не помешать старшей и, что уж там скрывать, уважаемой сестре, Кирюха приоткрыл дверь... Люба быстро что-то писала в толстую тетрадку. Кирюха усмехнулся, довольный своей догадкой:

— Да ничего она не устала. Она стихи придумывает!

Кирюха так смело заявил про стихи, потому что и сам он нет-нет да и подкидывал в школьную стенгазету басни про разных якобы птиц и зверей, под которыми он подразумевал кое-кого из друзей-товарищей, кто любит руки распускать да на уроки опаздывать.

Но Люба не сочиняла стихи. Однажды мать посмотрела в её тетрадку и увидела, что без малого половина страниц там исписана непонятными столбиками слов: «Микрометр, штанген, индикаторная головка, подрезной, расточной, отрезной, центровка, свёрла...» А на другой странице опять: «Расточной, подрезной, отрезной, штанген, индикаторная, микрометр, свёрла...» А на следующей: «Центровка, микрометр, расточной, штанген, подрезной, свёрла, отрезной...» Слова одинаковые, только всё время меняются местами.

«Что же это такое?» — думала мать. Сама она работала контролёром в метро и не знала, что все эти слова — названия необходимых токарю инструментов.

Отца у Любы Марьиной не было. Но был дядя — Виктор Павлович. Он-то и устроил Любу к себе на завод. И вот мать выбрала минутку, когда никто её не мог услышать, и позвонила дяде Вите. Собиралась для начала завести разговор о том о сём, но не выдержала и сразу стала говорить о странном Любином поведении. А дядя Витя и сам беспокоился. Уже неделю, если не больше, племянница приходила в цех почти за час до работы. Встанет у столика с инструментом и перекладывает, перебирает штанген, микрометр, свёрла, резцы — подрезной, отрезной, проходной...

Дядя Витя, как и вообще все рабочие люди, не любил задавать лишних вопросов. Однако теперь и он не выдержал, подошёл к Любе:

— Я... гм... слышал, вроде ты дома всё лежишь с закрытыми глазами?.. И в цеху, мы замечаем... Ты чего это, Люба, с инструментом копаешься?

— Я лежу,— смущённо ответила Люба,— потому что лёжа лучше думать.

Стоящие кругом рабочие рассмеялись. К Любе в цехе все относились хорошо. Во-первых, была она в бригаде самая младшая, во-вторых, работала старательно и честно. А в-третьих, все знали, что выросла она без отца.

— Вы не смейтесь,— сказала Люба.— Про то, что лёжа лучше думать — это такое последнее слово науки. А думаю я про то, как нам лучше на токарном столике инструмент уложить.

— Да чего ж там укладывать? — удивились рабочие.— Всё и так под рукой. На этом деле, стало быть, не сэкономишь. Ну, может, минут пятнадцать-двадцать за смену.

— Двадцать минут тоже неплохо,— отвечала Люба.— Если каждый в бригаде по двадцать минут выиграет, получится...— она прикинула в уме,— почти шестнадцать часов! Это как будто у нас в бригаде будут работать две невидимки!

— Хм! — мотнул головой дядя Витя.— Две невидимки, говоришь? — ему хотелось поддержать Любу.— Они работают, а получка их — бригаде в карман!

— Но главное не это,— сказала Люба серьёзно.— Я думала о том, чтобы мы на работе меньше уставали...

Тут, конечно, все удивились уже по-настоящему: что это такое Люба здесь говорит? Она же молча взяла старый чертёж, какие мастер выдаёт токарю перед началом работы, и на обратной его стороне написала: «Мы работаем на станках». Рабочие прочитали, с удивлением посмотрели на Любу:

— Чего это ты так странно пишешь?

— Но ведь понятно, что я хотела сказать? — и Люба улынулась как-то загадочно.

— Ну... понятно: «Мы работаем на станках».

— А всё же вы споткнулись об эти ошибки, правда?

— Ты к чему клонишь-то, Любовь?

— Сейчас поймёте... А если б вам дали целую книгу с такими спотыкающимися словами?

— Да мы бы её читать не стали!

— Вот! — обрадовалась Люба.— Книжку с ошибками чи-

тать не станете. А когда инструмент лежит «с ошибками»?

— Ты, девка, уж больно умна,— покачал головой старый рабочий Василь Васильич Ефимов.— У меня на столике так всю жизнь порядок. Резцы поближе кладу: они чаще нужны, а, например, индикаторная головка — может, раза два всего за смену понадобится. Так её — в сторону.

— Ну, вы правильно говорите,— кивнула Люба.— Только это самое начало, первый шаг. А я всё до ниточки рассчитала. У вас на столе порядок, а нужен — научный порядок! Научная организация труда!

Ефимов усмехнулся, готовый заспорить, но дядя Витя подмигнул ему: ладно, мол, кончай! И другие рабочие тоже про себя подумали: «Ну, хочет, так сделаем разок по её указу. Что нам, трудно?» Люди они были добрые. Помнили, сколько Люба Марьина убила на это изобретение своего дорогого времени.

— Всё ясно, Любовь. Твоя взяла. Учи, как по-научному инструменты класть...

Прошло несколько дней. Бригада надеялась, что изобретательница всё забудет, успокоится. Люба действительно никому ни о чём не напоминала. Но вдруг заметили все: вроде как-то приятней стало работать! В чём дело, не понятно, а работать вот стало приятней!

Потом поняли: оказывается, все движения стали точней. Для глаза почти незаметно, а для души — заметно, потому что в любой настоящей работе душа стремится к чёткости и красоте. Оттого и работать сделалось веселей. Да и сам как-то веселей становишься. После смены выйдешь на вольный воздух, раз-другой вздохнул, улыбнулся... Хм, а усталости-то меньше. Вот так Люба!

ЗНАМЕНИТЫЙ ЧЕЛОВЕК

Действительно: имя и фамилия были у него знаменитые — Константин Коровин. А кому не понятно, мы объясним. Был такой хороший художник — Константин Алексеевич Коровин. Он написал много прекрасных картин. Но лучше всего получались у Коровина пейзажи, то есть, по-другому говоря, картины природы. Эти пейзажи были так хороши, что казалось: каждый куст и каждая берёза — живые и вот-вот затрепещут, заговорят своими листьями. А если прислушаться сердцем, то они и вправду говорили. О красоте родной земли, о любви к родине.

И вот родители, а особенно бабушка Константина Коровина (но не известного худож-

ника, конечно, а героя нашего рассказа) решили, что такое совпадение — это неспроста! Хотя совпадением-то была только фамилия, а имя родители, и особенно бабушка, сами дали мальчику такое, чтоб было похоже на знаменитого художника.

Когда Коровин немного подрос, его отдали в специальный художественный детский кружок. Коровин плакал и не хотел ходить в кружок. Потому что плохо рисовал наш Коровин. Но родители, и особенно бабушка, продолжали учить Коровина рисованию. Они мечтали увидеть своего Коровина знаменитым: вот он ходит по выставке своих картин, а все смотрят на него с восхищением. А журналисты задают вопросы про то, как же это он родился таким выдающимся и талантливым...

Но рисование — это такая вещь: если способностей нет, ничего хорошего не получится, только одни слёзы. И мальчишки и девчонки из художественного детского кружка, а потом из художественной школы посмеивались над Коровиным, хотя он был совсем не глупый, просто рисовать не умел.

Однажды их класс поехал за город, помогать колхозу убирать картошку, а заодно и порисовать осеннюю погоду. А погода была прекрасная, самое начало сентября. Трава и деревья ещё не знали, что им пришла пора умирать и вянуть. И они зеленели изо всей силы. А солнышко светило уже по-осеннему, уже негромко. Такой получился грустно-праздничный денёк. Шли ребята со станции разноцветной ватагой и — вдруг замерли на краю огромного луга. Да и было от чего замереть: молча и тяжело на них шло коровье стадо!

Ноги у юных художников вросли в землю... И только Коровина, словно магнитом, потянуло вперёд! И понял Костя, что красивее животных он не видел никогда! А коровы смотрели на Коровина большими умными глазами и тоже будто хотели что-то сказать. Только вот что?

Случай этот прошёл для всех незаметно. Для бабушки уж точно. Но когда Костя Коровин окончил восемь классов, он объявил, что идёт в сельскохозяйственное производственно-техническое училище.

Во многих книжках рассказывается, как ребята убегают из дому, чтобы стать моряками или геологами. Коровину тоже пришлось убежать. Вернее, уехать в небольшой городок, где было такое училище, какое ему нужно. И добиваться своего Косте было не легче, чем ребятам, которые убегали в моряки!

Но прошло два года, Константин Коровин получил диплом оператора машинного доения. Теперь он мог работать на ферме, мог ухаживать за коровами. Доил их, следил за телятами. Он очень любил коров, а коровы очень полюбили его. Словно стараясь для Кости, они и ели лучше, и молока давали больше, и телят рожали таких крепеньких и красивых; что хоть сейчас забирай на выставку.

Стали говорить о Константине Коровине в совхозе, потом в районе, потом слава о молодом специалисте, талантливом рабочем молочного хозяйства «Рассвет» через газеты, через областное радио дошла до обиженной бабушки...

Однажды как-то под вечер явился и сам внук. Давно они не виделись и долго смотрели друг на друга, прежде чем заговорить. Потом сидели в сумерках, ожидая с работы родителей, и бабушка всё расспрашивала Костю да расспрашивала. Пили из больших кружек молоко, которое Костя привёз из совхоза «Рассвет».

— Бабушка, поедем со мной. Вместе будем жить!

Бабушка отпила из кружки:

— Вкусное. Лучше рыночного.

— Рыночное,— Костя махнул рукой.— Смех! Поедем, бабушка! Хоть увидишь, какой я есть — Константин Коровин!

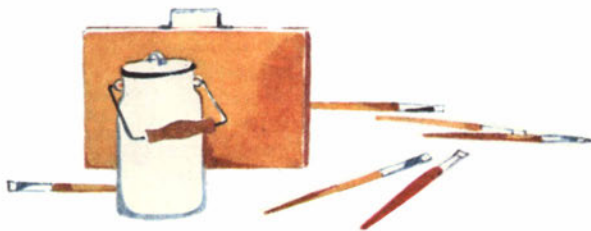
— А что же рисование-то?.. Совсем забросил?

— Поедем — увидишь!

Коровин нарочно пока умалчивал, что ведёт у сельских ребят художественный кружок. И сам рисует! У него вдруг стало получаться. словно судьба смилостивилась наконец.

Но судьба тут была ни при чём. Когда человек хорошо делает главное, самое любимое дело своей жизни, у него и другие дела начинают спориться. И все кругом говорят:

— Смотрите, какой молодец, да? Какой способный? За что ни возьмётся, всё ему по плечу!

ЗАРЯДКА ДЛЯ ТКАЧИХ

Знатную ткачиху Валентину Горелову попросили выступить в школе перед ребятами младших классов.

«О чём же я им расскажу?» — подумала Валя растерянно. Вообще-то она выступала иногда, но перед взрослыми — делилась опытом своей работы, рассказывала, как ей удаётся работать сразу на двадцати четырёх станках.

В газетах писали и говорили по радио, что у Вали талант быть ткачихой. И обычно спрашивали, как она нашла такую работу — по душе.

Иногда Валу спрашивали и о её жизни, о детстве... Валя не очень любила про это рассказывать — чтобы не было лишних охов да ахов. Дело в том, что она воспитывалась в детском доме. А детдомовцев обычно начинают жалеть.

Но Валя-то знала, что и в детском доме можно жить хорошо и счастливо, можно найти друзей и можно найти сестрёнку. Даже маму...

В восьмом классе стала Валя думать, какую бы ей выбрать профессию. Девчонкам хочется выбрать себе какую-нибудь удивительную специальность. Стать, например, садоводом-декоратором — клумбы выкладывать в виде картин. Или там парикмахершей-гримёршей. Готовить артистов к выходу на сцену. Валя тоже собиралась в гримёрши. Сказала об этом директору. Они своего директора мамой звали. Мама кивнула в ответ и чуть заметно пожала плечами:

— Что ж, неплохо... Но тебе надо бы какую-нибудь боевую профессию. Ты человек-то у нас уж очень заметный!

— А какую?

— Была бы ты мальчишкой, я б тебе в токари посоветовала или... не знаю... в сталевары. А раз ты девушка — иди в ткачихи!

Так Валя и стала учиться на ткачиху. Сперва как бы нехотя, только для мамы. Но постепенно ей делалось всё интересней. Потом её стали хвалить. Выяснилось, что она очень способная именно для ткацкой работы. И рост у неё подходящий, высокий. Станки ведь ткацкие высокие, а на станках ещё катушки с нитками. И эти катушки во время работы приходится то и дело менять. Так что без хорошего роста настоящей ткачихе не обойтись!

Валя окончила училище, стала работать на фабрике. И жизнь её пошла всё в гору и в гору. Только удивляться оставалось, как мама сумела угадать ей профессию.

— А тут, ребята, удивляться нечему, — говорила мама, когда Валя на денёк вырвалась погостить в детдом. — Тут удивляться нечему. Когда человек так хорошо умеет работать, как наша Валя Горелова, его обязательно заметят и у него будет широкая дорога в жизни.

Так говорила мама, — немножко старомодно для современных ребят, но зато доходчиво. Недаром из их детдома выходило столько хороших людей.

И вот теперь, собираясь выступить перед учащимися младших классов, Валя никак не могла решить, о чём же им рассказать.

Неожиданно для себя она начала так:

— У нас в ткацком цеху шумно, как у вас на переменке.

Ребята засмеялись, стали переглядываться — им понравилось такое начало. И Вале сразу стало спокойнее. Она любила свою профессию, и поэтому рассказ её получился интересный. Потом стали задавать вопросы. А она, конечно, всё знала — про любую материю, про любой станок. Спросили про режим дня. И она ответила, что это для неё очень важная вещь — иначе ничего не успеешь. В самом деле — и работа, и техникум, и в горсовете заседания. Тут без режима никак нельзя.

— А расскажите, какую вы зарядку делаете?

И тут Валин весёлый и уверенный рассказ вдруг оборвался на полном бегу. Её двадцать четыре станка всё время требовали внимания. Потому что как нитка оборвётся, так станок сразу и стал. Нужно к нему быстро подойти, нить завязать, станок пустить. А там, глядишь, следующий просит помощи — надо, например, катушки сменить, а там — следующий. И вся Валина смена проходит на ногах, все восемь часов.

Один инженер-технолог не поленился, подсчитал, что за смену ткачиха проходит двадцать с лишним километров. А такие, как Валя, многостаночницы — около тридцати! Это очень большое расстояние. Такое расстояние иной человек вряд ли проходит и за неделю. А Валя — каждый день! Ну и устаёшь, конечно. Какая уж тут зарядка!..

Но ей не хотелось говорить, что вот, мол, такая у неё трудная работа. Она боялась напугать ребят. Не знала, как объяснить им, что настоящий труд родственник слову «трудно». Однако на то и мы зовёмся людьми, чтобы трудиться.

Валя всё это как-то не сумела сразу произнести, запнулась. Потом решила: скажу, что делаю зарядку. Подумаешь, не велика ложь. Это же для дела надо, для воспитания. Но тут же вспомнила маму, которая строго смотрит на кого-нибудь из них, маленьких обманщиц: «Стыдись!» И Валя сказала:

— Я вообще-то зарядку не делаю. Но с завтрашнего дня начинаю. Кто хочет, приходите к моему дому утром в пол-

восьмого. Я хорошие упражнения знаю. Мне мама моя их показала.

От ребят она отправилась прямо на фабрику — она работала ту неделю во вторую смену. Прошла свои тридцать километров от станка к станку. Домой вернулась поздно. Совсем уж хотела лечь спать, да вспомнила: «Ой! Завтра же на зарядку!» В шкафу нашла свой спортивный костюм, который остался ещё со времён училища. Примерила — вроде ничего. Прошлась по костюму утюжком. «Да не нужна ведь мне никакая зарядка! А тогда зачем обещала?» И больше не успела ни о чём подумать — уснула.

Утром, надев спортивный костюм, она вышла во двор. Вдруг она увидела девочку, и ещё одну, и ещё. Девчонки пошли ей навстречу:

— Здравствуйте, тетя Валя. Мы хотим с вами делать зарядку, которая для ткачих.

Молча Валя приставила руки к плечам. Ей вспомнилась мама: «Вам, милые мои, подрастать надо. Ну-ка, потянулись вверх!»

— Вам, девочки, прежде всего подрастать надо, — сказала Валя. И услышала вдруг, что голос у неё получился точно как у мамы. — Ну-ка, потянулись! Раз-два...

